

INSPIRIA

КСЕНИЯ
БУРЖСКАЯ

П У Т И

С О О Б

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
18+
БРАЖЬ

Щ Е Н И Я

INSPIRIA

Ксения Буржская

Пути сообщения

Серия «Loft. Современный роман. В моменте»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69334084

*Пути сообщения:
ISBN 978-5-04-184632-9*

Аннотация

Спасти себя – спасая другого. Главный посыл нового романа "Пути сообщения", в котором тесно переплетаются две эпохи: 1936 и 2045 год – историческая утопия молодого советского государства и жесткая антиутопия будущего.

Нина в 1936 году – сотрудница Наркомата Путей сообщения и жена высокопоставленного чиновника. Нина в 2045 – искусственный интеллект, который вступает в связь со специальным курьером на службе тоталитарного государства. Что общего у этих двух Нин? Обе – человек и машина – оказываются способными пойти наперекор закону и собственному предназначению, чтобы спасти другого.

Злободневный, тонкий и умный роман в духе ранних Татьяны Толстой, Владимира Сорокина и Виктора Пелевина.

Ксения Буржская – писатель, журналист, поэт. Родилась в Ленинграде в 1985 году, живет в Москве. Автор романов

«Мой белый», «Зверобой», «Пути сообщения», поэтического сборника «Шлюзы». Несколько лет жила во Франции, об этом опыте написала автофикшен «300 жалоб на Париж». Вела youtube-шоу «Белый шум» вместе с Татьяной Толстой. Публиковалась в журналах «Сноб», L'Officiel, Voyage, Vogue, на порталах Wonderzine, Cosmo и многих других. В разные годы номинировалась на премии «НОС», «Национальный бестселлер», «Медиаменеджер России», «Премия читателей», «Сноб. Сделано в России», «Выбор читателей Livelib» и другие. Работает контент-евангелистом в отделе Алисы и Умных устройств Яндекса.

Содержание

Часть первая	6
Первое мая 1936 года	6
Июнь	21
Июль	40
Август – сентябрь	53
Конец октября	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ксения Буржская

Пути сообщения

© Буржская К., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая

Первое мая 1936 года

Тьма накрывала город бесшумно, подкрадывалась за спиной. Нина чувствовала запах вспоротой земли и паровозного дыма, чуть горьковатый, копченый, как тот, что появляется, если тереть камнем о камень. Мгновение назад она выскочила из вагона в распахнутом плаще, будто затхлый и пыльный воздух электрички – забитые на зиму форточки тому виной – сам вытолкнул ее наружу. Нина легко маневрировала между лужами на платформе; одну назвала про себя океаном, вторую – впадиной. В районе Курской заставы живо разбегались трамваи, делали у вокзала почетный круг, блестели мокрые после дождя рожки троллейбусов. Когда она шагнула на трамвайную площадку, в небе отчетливо гроыхнуло, эхом отшатнулось от слепого торца вокзала, обрушилось где-то за железнодорожными путями; обиженно заскрежетал товарняк. Гроза! И первого мая, вот неудача.

Но это не повод опаздывать. Нина прищурилась, чтобы рассмотреть время на настенных часах: успевает вроде бы. Сегодня ехала с дачи прямо к Ганечке, то есть за Ганечкой, даже домой заходить не будет, забежит сразу в первый подъезд, заберет их с Владиком, потом они спустятся под землю:

давно обещали мальчику показать метро, доехать от «Красносельской» до «Охотного ряда» и сразу – на Красную площадь.

Трамвай выехал на влажное с испариной Садовое кольцо, обогнул дом, в котором жили сослуживцы мужа, Генриха Беккера, – ребята из Наркомата путей сообщения. Они и сами могли бы тут жить, но Генрих хотел подальше от вокзала, сказал, что раз уж они могут выбирать, то почему бы не выбрать. Курский вокзал за спиной – огромный торжественный дворец, просторный, с башнями, двухколонным портиком и стеклянными фонарями. Нине он очень нравился, но шуму от него, конечно, много, а еще здесь хватало всего: суеты, нищих, попрошаек. Нина любила зайти туда, как в музей, посмотреть на отъезжающих и прибывающих, послушать разговоры. Она любила вокзалы. Во время поездки в Париж в 22-м они с Генрихом поселились у Северного вокзала, и Нина каждый день обязательно проводила полчаса под его кружевными сводами – смотрела на людей.

Хотя, если бы Нину спросили, где она хочет жить, в каком крае Москвы, она бы сказала, что где-то на русских Елисейских Полях, возле Петербургского (теперь – Ленинградского) шоссе, где зелено и широко и где они с Генрихом часто катаются на велосипедах. У нее есть даже специальные для этих случаев сапоги – высокие, узкие, со шнуровкой.

Но Нину не спрашивали. С Гороховской улицы, из комнаты, окна которой выходили на Московский институт земле-

устройства (Нина часто смотрела на него и фантазировала, будто изучают в этом институте действительно то, как устроена Земля – в глобальном и философском смысле – от начала времен и до дна человеческой сути), они переехали в новенький, только что отстроенный дом Обрабстроа, необыкновенно многофункциональный и авангардный, который напоминал фасадом распахнутую книгу, а окнами – круизный корабль.

Там они с Ганечкой и познакомились – можно сказать, были соседями, хотя и не вполне: жили по разные стороны дома, Нина с Генрихом слева, а Ганя с Андрюшей и Владиком справа. Нина обитала в «квартирной» части, Ганечка – в «коридорной». Это значит, что у Нины соседей не было, им выдали на семью просторную двухкомнатную квартиру, а у Гани было еще двое соседей в ее части и четверо в соседней, где кухня. Чтобы попасть на кухню, ей нужно было выйти из комнаты, пройти через лестничный пролет в квартиру напротив. А вереница из живущих на кухонной стороне не иссякала с утра до вечера по пути в уборную на противоположной, Ганиной, части.

Столкнулись они в гастрономе; Ганечка хотела взять творог для Владика, взвесила уже, но где-то оставила кошелек – нелепость и глупость и даже в чем-то трагедия, но Ганя лишь виновато покаялась сердитой продавщице, потрепала Владика по голове и как-то легко смирилась: «Ну что же, теперь без творога». «Может, найдете еще? Кошелек-то?» – спро-

сил кто-то участливый из очереди, а Нина залюбовалась Ганей и легкостью, с которой та приняла неловкость, и, сама от себя не ожидая, предложила творог оплатить. Ганя сначала отказывалась, конечно, но очередь ее поддержала: «Возьми сыну-то, растяпа». Она и взяла. Клятвенно обещала деньги вернуть, как только кошелек найдется; он и правда нашелся – оказалось, оставила дома. Шла в магазин через библиотеку и детские качели, поэтому не сразу поняла, что не взяла. Но это уж потом выяснилось, а пока они с Ниной пошли по осенней улице вместе, загребая носами ботишков лужи и подточенные временем листья.

Ганечку звали Ханной. Красивое имя, странное и очень неотесанное как будто, Нине хотелось его смягчить. «Буду звать вас Ганечкой, вас устроит?» Ганечка улыбалась.

Нину все удивляло и восхищало в Гане: ее молодость, легкость, небрежность. Как будто весит она как гагачий пух и ветер вот-вот оторвет ее от земли и унесет куда-то, растяпу и выдумщицу. Сама Нина была женщиной яркой: крупные черты лица ее – нос, губы, темные глаза – неизменно привлекали внимание не меньше, чем ее авангардные костюмы – мужские рубленые брюки и пиджаки иной раз легко соседствовали с мягкими шляпками с перьями, а пышные платья – с кепкой типа «гаврош» и высокими охотничьими сапогами. Кроме прочего, Нина курила. Портсигар из слоновой кости она купила в Париже в середине двадцатых, а мундштук, на котором искусный мастер вырезал пароходик, Ген-

рих привез ей из Берлина. Нина курила – пароходик дымил. Волосы Нина укладывала в строгое каре по моде, но непослушные выющиеся пряди постоянно выскакивали из-под головных уборов и заколок и все равно лежали волнами. Если Нина их не укладывала по всей строгости – на даче или когда ленилась, – на ее голове возникало черное облако из по-африкански кудрявых волос. «Мелкий бес», как она говорила. В Нине и правда было что-то беспокойное, резкое, хваткое: она умела быстро принимать решения, в голове просчитывать варианты и выбирать правильный, полагаясь на интуицию и смелость. «В тебя как будто черт вселился», – замечал иногда Генрих, наблюдая за ее кипучей деятельностью. «А я его не выселяла», – парировала Нина.

Генрих давно привык к импульсивности жены, ни в чем ее не ограничивал, их жизни были четко разделены: частная жизнь Нины и частная жизнь Генриха – Гены, как его называл ближний круг. Нина принимала амбиции Гены, привычку с головой отдаваться работе, его увлечения: Гена коллекционировал предметы искусства, любил красивые вещи, в основном посуду и статуэтки, иногда картины, многое в этом понимал – мог отличить подделку от подлинника, любил музеи. По-настоящему мужских занятий у него не было, разве что поезда, но поезда были неминуемым пристрастием каждого работника Наркомата путей сообщения. Генрих был очень красив: черты его матери, русской дворянки, удачно сошлись с чертами отца, этнического немца, отчего

в лице Генриха проявились и немецкая строгость, и порода, а любовь к велосипедам и лыжам позволяла ему выглядеть молодо и подтянуто, несмотря на то что он был отчетливо старше Нины. В этом году ему как раз исполнилось сорок пять; юбилей отпраздновали на аэродроме, где Гена исполнил свою давнюю мечту – прыгнул с парашютом.

В благодарность за то, что Нина не посягала на его свободу и многого не требовала, Гена позволял и ей иметь свои, только свои развлечения – встречаться с подругами, шить наряды, устраивать карнавальные вечера на даче, ходить в театр, курить и петь. Нина хорошо пела. Она отлично владела инструментом, он даже купил и перевез на дачу старенький «Лихтенталь», несмотря на то что на вечерах, которые устраивала Нина, все чаще звучал патефон. Нина заявляла, что не хочет быть мебелью, по нраву ей главные роли, а для этого нужно участвовать, а не сидеть за фортепиано. Но иногда все же играла – вечерами, одна, для себя. Генрих даже выходил из своего кабинета, чтобы послушать.

Были у супругов и общие интересы: в теплую погоду они обязательно совершали совместную велосипедную прогулку, катались по городу, потом устраивали пикник в одном из садов. Иногда ездили в Эльдorado, иногда в Эрмитаж, чаще всего, конечно, наведывались в Баумана. Если заезжали в Эльдorado, обыкновенно брали лодку, Генрих отлично с ней управлялся, а Нина предпочитала катамаран: не любила сидеть без движения. Зимой ходили на лыжах, устраива-

ли лыжный пробег и ежегодный зимний костер – на него съезжались друзья, в основном коллеги Генриха с женами и детьми – хорошие, честные люди, по кругу рассказывали истории, жарили хлеб, пили «Перцовую» или портвейн – чтобы согреться.

Генрих круглые сутки пропадал в Наркомате: должность имел серьезную и ответственную – опаздывать нельзя, задерживаться можно. Когда начались пятилетки, работы навалилось с горой – приходилось выполнять и перевыполнять планы, следить, чтобы сошлись копейка с копейкой, а деньги через его руки проходили немалые. Нина служила там же машинисткой. Познакомились они сразу после революции: Нина поступила на службу в НКПС конторщицей, едва ей исполнилось восемнадцать. В том же году ее перевели сначала на должность счетовода, а потом делопроизводителя в финансово-экономическое управление, где они и встретились с Генрихом, который служил в управлении начальником. С тех пор Нина успела поработать в «Красном пути», в Спасском конном парке Москомтранса и вернуться в главное управление НКПС (специально не в отдел Генриха) на должность машинистки со средним окладом в 225 рублей.

Ганя два раза в неделю вела у детей сольфеджио в Доме пионеров, несмотря на то что с детства хотела стать актрисой, и ее живое миловидное лицо с тонкой фарфоровой кожей и яркими синими глазами было прямым распоряжением от этой мечты не отступать. Из Ганиного лица можно

было слепить что угодно: и Пьеро, и Золушку, и Джульетту, и Мальчика-с-пальчик – Нина убедилась в этом во время своих карнавальных дачных вечеров. Если в нашитых из тюля и крепа костюмах сама Нина всегда смотрелась как Безумная Нина, то Ганя смотрелась естественно – представляла собой ровно то, что от нее в этот момент требовалось. Ганя мечтала, что непременно выучится на актрису, как только справит Владика в школу – всего два года осталось, можно и подождать. Нина резонно полагала, что Гане времени хватит: в будущем августе ей исполнится двадцать пять.

Муж Гани, высокий и широкоплечий Андрюша, как будто сошедший с полотна известного художника Дейнеки, изображающего идеального советского рабочего, служил инженером-технологом на заводе «Точизмеритель имени Молотова», где делали пипетки, шприцы, ареометры, психрометры и – именно в этом отделе работал Андрюша – первые в стране ртутные градусники.

И Андрюша, и Генрих приходили со службы поздно, так что женщины – с половины четвертого Нина и с двух часов дня Ганя – были предоставлены сами себе и отлично проводили время. С первой же встречи Ганя стала у Нины учиться: «Расскажите мне, Ниночка, как вы варите солянку». И они вместе варили суп – по части странных рецептов Нина была первой: она готовила по большой поваренной книге Молоховец, на ходу адаптируя все рекомендации под окружающую советскую действительность. «Обучите меня

писать красиво, как вы». И Нина старательно ставила Гане руку, как учили ее сначала в гимназии, а затем на Бестужевских курсах. А Ганя смеялась. Так что с осени до зимы Нина то и дело пропадала в комнате у Гани, а однажды сказала: «Может, вам, Ганечка, с Владиком ко мне прийти? У нас же кухня есть, а соседей нет». И так оказалось сподручнее. Теперь у Нины дома время от времени проносился вихрь: Ганя и Владик нападали на ее жилище с энергией паровоза, а домработница Нины и Генриха Евгения Емельяновна, которую называли ласковым прозвищем Евгеша, только и успевала подавать и уносить, убирать и затирать – в общем, пришлось ей повысить жалованье. «За вредность», – как она говорила. Впрочем, ни в Гане, ни во Владике вредности не было никакой, только чистая и частая жажда жизни, которую Нина изучала, примеряла к себе, а примерив – присваивала.

Сегодня и Нина, и Ганя встали ни свет ни заря: у Нины была ранняя электричка, Ганя же с раннего утра готовилась к Первому мая, рисовала для Андрюши плакат, дошивала платье – в этот день хотелось быть очень красивой, пожалуй, как никогда.

Вместе с последней вспышкой ослабевшей молнии Нина подошла к дому. Уже не лило, однако туфли все равно промокли, но черт с ними, поставит у печки просохнуть, пока Ганя наводит марафет: к ней когда ни приди, она все равно не будет готова. «Почти готова», – скажет она и еще двадцать минут будет рисовать угольным карандашом стрелки в угол-

ках глаз, подкрашивать тушью ресницы и пудрить щеки. Как говорили в народе, «на глазах ТЭЖЭ, на щеках ТЭЖЭ, на губах ТЭЖЭ, а целовать где же?»

Ганя открыла ей весело, порывисто обняла и отстранилась, чтобы Нина вошла, Владик уже бежал ей навстречу – в белой сияющей рубашке, как маленький новорожденный Бог.

Ганя покончила со своим макияжем, на небо вылезло солнце. Нина подумала между делом, что сегодня и не могло быть иначе: гроза отступила, понимая, насколько она некстати.

Как договаривались, пошли к метро: Владик очень хотел посмотреть на поезд и на таинственную подземную станцию, и Нина выбрала «Красносельскую», чтобы мальчик, впервые оказавшийся в метро, мог чуть-чуть подольше проехать.

Нина (в необыкновенном приталенном брючном костюме) и Ганя (в чудесном белом платье в мелкий бирюзовый цветочек) под руку вошли в метро, Владик залюбовался уже самым зданием: что-то нездешнее, новое виделось в слегка изогнутой на манер китайской пагоды крыше, пришлось его даже оттаскивать; торжественно спустились на эскалаторе в подземное царство. Владик жадно рассматривал футуристическое пространство: огромные луны ламп внутри кессонов, граненые колонны из ржавого мрамора, светящиеся табло. Стоял, раскрыв рот, а Нина радовалась его восторгу.

И вот – громкое, громкое, шумное – подъехал к станции

поезд цвета кофе с молоком. Они вошли – все сиденья были заняты, в глазах рябило от красного: люди ехали с флагами, транспарантами, захваченные общим счастьем. Тут поезд тронулся, позади осталась светлая нарядная станция, замелькала в окнах глазурованная плитка, и Владик кинулся к Гане: «Мама, хочу на ручки, на ручки!» Заплакал. Ганя растерянно взяла его за руку: «Владичек, милый, ты чего? Я не могу тебя взять, у меня же белое платье...»

Нина подняла его на руки, кивнула Гане: мол, не переживай, я подержу. Владик зажмурился и обхватил руками Нину за шею. Со страшным грохотом неслась в темноту железная змея вагонов. Пять остановок – и толпой их вынесло на станцию «Охотный ряд»; Владик, задрав голову, смотрел на свисающие с потолка тяжелые круглые плафоны, похожие на цирковые шары, шагал по шахматным клеткам пола, а потом самостоятельно бегущая вверх лестница – это его, конечно, особенно восхитило – выплонула их на неожиданно летний, обветренный воздух. Погода, как нарочно, сменила гнев на милость, и Нина, Ганя и Владик, державший обеих за руки, влились в веселую толпу, залитую победным солнцем, и тут же кто-то развернул над ними огромный плакат: «Привет родному Сталину».

По Кремлевскому проезду мимо Исторического музея – внутри красной, шумной толпы Владика распирала гордость: вот он идет на Красную площадь. Над их головами необъятной тучей проплыл тяжелый медленный дирижабль, и Нина

спросила Владика, кого он ему напоминает, и тот ответил: кита. Театральные тумбы вместо афиш были сплошь заклеены праздничными плакатами, на каждом из которых сияла цифра «один» – в этом Владик уже разбирался, умел, по крайней мере, до пяти.

Наконец Красная площадь. Становится тесно, но так даже интереснее. Где-то высоко, так, что Владiku пришлось запрокинуть голову, ехали по воздушным невидимым путям модели поездов и самолетов, заслоняли солнце гигантские портреты вождей. Владик уже позабыл о своем страхе: глаза разбегаются, от радости сводит живот. У других детей шарики, и ему страстно хочется тоже. Но у кого попросить его и как?

Вдруг они поравнялись с помостом, на нем – два человека в красных костюмах: рабочий и работница; уф, как же хочется таким вот стать – огненное знамя в сильных руках, Родина в сердце и, может быть, еще шарик. Эти двое что-то кричат в толпу, и толпа отвечает – Владик не знает что, но оно и не нужно. Только одно: враг никогда не пройдет сквозь толпу таких вот людей, схватится за голову от нашей мощи, а мы вот такие – от красного рябит в глазах, – смотрите на нас и бойтесь! Владик зажмурился, пусть его и дальше несет и качает волна, сплошное море людей, берегов не видно.

...Из этого сна наяву Владика выдернуло нечто, способное заглушить музыку из рупоров, голоса и песни: прямо над ними, так что волосы у мальчика встали дыбом, с гроз-

ным рыком пронесся «ишачок» или «ястребок», «муха», «овод» – как его только не называли, – «истребитель шестнадцатый», резвая, как говорил папка, птичка, – самолет самого Чкалова. И как он похож на тот, что у Владика в саду, – совсем игрушечный! И все же совсем настоящий – железная птица на фоне синего мирного неба.

И вдруг все замерло: остановка в пути; и Владiku показалось, что там, наверху, если задрать голову до боли в шее, он видит самого товарища Сталина и знает, что это отец народов, главный человек, замечает, как у мамы розовеет лицо и как она начинает кричать вместе со всеми: «Ура товарищу Сталину!», и ее голос растворяется в океане других голосов.

Да здравствует Первое мая! Радостно у Гани на душе, у Нины – радостно от ее радости. Как там написано на плакате: «Страна Советов – страна радости и веселья». Хороший сегодня день. Ганя в своем белом платье, Владик – веселенький, с петушком на палочке; здорово, когда все здорово, только есть очень хочется.

– Ганя, пойдемте к вам, что-нибудь приготовим? – пытается Нина перекричать рупор и наклоняется к самому Ганиному уху, аккуратно над Владиковой головой. От Гани пахнет «Вереском» – плотный медовый запах духов, какой-то телесный даже.

– Ниночка, все ведь уже готово, – весело отвечает Ганя. – Я вчера рассчитывала, что вы зайдете, так что решила испечь пирог.

– С капустой, – вмешивается Владик. – С капустой и дырочками от вилки!

Мимо приходит человек с черными окулярами.

– Смотри, Нинака, смотри! Циклоп! – показывает пальчиком Владик.

– Это у него театральный бинокль на резинке! – смеется Нина.

– А ну не тычь пальцем в людей! – бранится Ганя, а сама улыбается: ну невозможно же не улыбаться в такой вот день.

Взгляд падает на кричащий плакат: «СССР – страна талантливых людей».

– А я талантливая, по-вашему? – спрашивает Ганечка.

– Вы самая-самая талантливая, – заверяет ее Нина, смеясь.

– И в чем же, скажите, мой талант?

– Вы смешная. А как вы поете!

– А вдруг у меня получится? – говорит Ганя. – Я так хотела бы стать артисткой!

– У вас получится! – кричит Нина через толпу куда-то в вечность. – У вас обязательно все получится. Вижу ваше будущее блестящим!

На бульваре загорелась огнями карусель – под полосатым тентом веселые лошадки помчались по кругу. Какая-то женщина дала Владику вожделенный шарик, и он смеялся до слез, не мог сдержать радости.

Дома, насилиу успокоив счастливого Владика, Нина смот-

рит, как Ганечка собирает на стол: тепличный редис тонкими колечками, прошлогодние соленые огурцы, брызнувшие соком, делит на половинки, крошит лук, наливает в прозрачные рюмки вишневую наливку, закатное солнце плещется в ней.

– Ниночка, расскажите историю, – просит шепотом Ганя.

– Что за историю?

– Какую-нибудь. Из ваших.

И Нина рассказывает, как кошка однажды забежала в секретарскую и ее не могли отловить, как Нина перепутала листы и отправила письмо не тому, как заходил к ней домой однажды городской сумасшедший и требовал чайный гриб.

Ганя смеялась, а большего и не требовалось.

Июнь

Лето подбиралось неслышно, как охотник крадется за жертвой. Птицы пели негромко, трава неуверенно прорастала сквозь грязные лужи, листва еще не шумела во время ночной грозы, но по утрам уже чувствовалась влажная жара.

Генрих уходил рано, старался Нину не будить, хотя она все равно просыпалась от уличного шума и оставалась лежать в постели, слушая, как минута за минутой просыпается мир. Как дворник метет запыленный двор, как приезжают, гудя велосипедными клаксонами, первые почтальоны, как стучат каблуками по тротуарам самые ранние трудящиеся – на заводы, как проезжают редкие автомобили или первые троллейбусы, дребезжа. Генрих завтракал, Нина слышала во сне запах – горький аромат приставшего к джезве кофе напоминал дачные костры среди сосен, и Нина уже думала о том, как они переедут на лето в Никольско-Архангельское – возможно, с Ганечкой и Владиком. Да, с Ганечкой было бы чудесно.

Они уже обсудили, какие возьмут платья, Нина рассказала все в мельчайших деталях: какие у нее там стулья (очень красивые, тонетовские), какой стол (основательный, дубовый), какие кресла (с изумрудными узорами, на тонких ножках и на каждой ножке – маленькое колесико), какие картины (осенний лес, зимний лес, дорога – «Вы будете смеяться,

Ганя, но тоже в лесу»), какие прекрасные статуэтки (скажем, мраморная женщина на скамейке, задумчивая, в руке цветок), и Ганечка, еще ничего этого не видевшая, но живо вообразившая, восклицала: «Нина! Да у вас там просто Пушкинский музей! Такая красота!»

Нина смущенно улыбалась, придумывала, куда первым делом Ганечку поведет: на реку сначала, а потом на рынок? Или сначала на рынок, чтобы успеть купить свежего молока, а потом на реку, после обеда, когда спадет жара? Еще она думала о пирогах с вишней, о смородине, яблоках – замечательное предстояло лето.

Ганечка спросила, можно ли поехать с Андрюшей, и Нина нехотя, но согласилась. Все равно у Андрюши работа, он сможет выбираться в Никольско-Архангельское только на выходные. Как и Генрих, собственно.

Глядя на Ганечку и Андрюшу, таких молодых и ладных, Нина размышляла о том, что общего у нее с Генрихом, – и огорчалась. Сказывалась и разница в возрасте, и серьезность его характера, и долгий брак без детей. Если она и любила Генриха, то в самом начале – за решительность и представительный вид. Нина выскочила за него очень рано, ей едва исполнилось девятнадцать. В Наркомате он поручал ей работу с документами – высокий, сильный, с крутыми усами, никогда от цели своей не отступавший. Просто пришел однажды – тяжелые и торжественные георгины в руках – и сказал:

– Отчего же вы, Нина, до сих пор не замужем?

И сам ответил:

– Надо это исправить.

Нина смотрела на него удивленно: вот так вопрос. Она не считала себя красивой, скорее, интересной: тяжелые черты лица ее прятались под густыми выющимися волосами, черными, словно нефть. Было в ее смуглом лице что-то восточное и в то же время породистое – тысяча и одна ночь, черный бархат, шафран. Генрих хотел, чтобы это было только его. Пришел и взял – потому что мог.

– Так что? – спросил он, будто это дело решенное. – Что думаете относительно брака?

– Не знаю, – сказала она растерянно; и в самом деле – не знала.

– Так выходите за меня, что ли, – просто сказал он, улыбувшись, и она тоже засмеялась, скорее от неловкости.

Потом они, конечно, какое-то время притирались, знакомились, но недолго: Генрих ее торопил. Она согласилась. Не сказать, что влюбилась безумно, но и отторжения не испытывала, он вызывал в ней уважение и в чем-то даже трепет. То, как он сидит иногда, сгорбившись над книгой, или то, как командует – приятно было находиться вне этой власти, но под защитой.

И вот уже тридцать шестой – быстро летело время. Нина работала, выдали землю под дачу: Генрих похлопотал. С ребенком не вышло, хотя Нина очень хотела. Две или три попытки закончились неудачей, потом врач сказал ей, что шан-

сов критически мало. Нина переживала, не уйдет ли Генрих теперь к другой, более совершенной, но Генрих сказал твердо: «Я выбрал тебя, и мне теперь с тобой идти». Ее изъяны волновали супруга мало: во-первых, у него уже был сын от первого брака – общение их складывалось неважно, но свой род он считал продолженным и потому не переживал; а во-вторых, он просто ее любил.

Совсем другое, конечно, у Ганечки: первая любовь – и сразу навеки, оба молодые, красивые, оба отличники учебы, закончив вуз, расписались; ребенок опять же, Владлен, вместивший в своем лице набор лучших черт обоих родителей – легкие голубые глаза Ганечки, бледность ее кожи, тонкий нос Андрея и его же изящные брови, что придавали лицу немного удивленное и задумчивое выражение. Владик случился рыжим: причудливо соединились гены – у Гани волосы были светлее, отливали на солнце бронзой, а Андрюша – шатен. Нина любовалась ими, будто идеально собранным конструктором, комплектом, правильно подобранными деталями, и все же Ганечку ей все чаще хотелось для себя одной – и чтобы она смеялась.

Генрих идею совместного выезда на дачу одобрил: все равно дом был велик для них двоих, да и Нине компания. В конторе на лето ей дали отпуск, а сидеть в одиночестве за городом то еще удовольствие. Так что Нина и Ганя собрали свои чемоданы и Владика и в назначенный день спустились к машине, которую прислал Генрих.

Дача пряталась среди редко раскиданных сосен и частых берез; парадное крыльцо слегка заросло – нужно косить. Позади дома, у сарая, крапива вымахала в полный рост, прямо джунгли, и Владик, конечно же, сразу поймал свои волдыри.

Дачу не так уж давно построили – шло их десятое с Генрихом лето, стало быть, юбилей. Дом был большой, двухэтажный, скрывался в зеленой глубине Балашихи, десятая линия, дом 41 – в первый же день Ганя заставила Владика вызубрить адрес, потому что тот все время норовил выскользнуть за забор и упереться завистливым лбом в калитку детского сада, стоящего напротив, а при удачном случае смешаться с другими детьми, если они вдруг выходили куда-то гурьбой.

Распаковавшись, Нина повесила гамак между сосной и беседкой и залегла там с книгой и папиросой, а Ганечка в своей веранде весело и легко наводила чудесный быт: стелила Владiku раскладушку, расставляла книги, вытирала скопившуюся за время зимнего отчуждения пыль.

На даче, конечно, много было хлопот, но больше всего удовольствия: Нина с Ганей сажали цветы и лук, выносили на просушку подушки и одеяла, играли в нарды. А Владик бегал по участку, изображая поезд, и гудел, как шмель, приближаясь к воображаемому переезду.

Дни пошли теплые и спокойные: утром делали зарядку, включали радио и завтракали на улице. Ганя готовила блинчики и запеканки, кашу для Владика, Нина обязательно варила кофе: ставила на плиту почерневшую от огня турку, за-

сыпала туда перемолотое зерно – не обычный цикорий, который можно было купить в любом магазине, а что-то совсем другое, ароматное, из таких стран, о которых Ганя даже не слыхивала. Откуда у Нины брался такой кофе, Ганя не спрашивала, зато живо интересовалась купальными костюмами.

– Этот откуда?

– Из Парижа.

– А этот откуда?

– Из Стамбула.

– Как много вы видели мира!

Ганя восхищалась тем, что Нина успела побывать за границей, когда еще можно было выезжать, и обо всем просила ей рассказывать, могла слушать эти рассказы часами, сидя у ног и вышивая какую-нибудь нелепицу. Руки у Гани были красивые, но точно не золотые: тигры у нее выходили кривыми, деревья – страшными, но Нине казалось это очень милым, она даже достала для Гани шелковый абажур, чтобы та расшила.

Иногда они раскрывали дореволюционную книгу рецептов, находили там что-то забавное, странное и пытались воспроизвести. Например: «Омлетъ съ вареньемъ. Взять 5 яицъ, разбить, добавить 1 стаканъ молока, разболтать, и поджарить въ маслѣ на сковородкѣ. Переложить на тарелку, помазать вареньемъ, закатать быстро ножомъ, поставить на 2 мин. въ духовку, вынуть и подавать». Ганя делала, Нина хохотала. Поджарить в масле еще удалось, даже вымазать вареньем по-

лучилось, правда, варенье дома водилось только смородиновое, а какое необходимо – не сказано. Быстро закатать ножом не вышло: омлет развалился и превратился в кашу, и уж тем более не представлялось возможным поместить сие в духовку – не обнаружилось ни духовки, ни посуды для нее. Ели так: намазывали на хлеб яично-вареное месиво; получилось съедобно, но точно невкусно.

В первую же неделю Владик вышел за ворота глазеть на садик и притащил домой уличную кошку. Кошка была небольшая – не совсем котенок, скорее подросток, – рыжая, точно Владик, а на лбу будто клеймо из полосок – буква «М». Владик нес ее перед собой на вытянутых руках – длинные тощие лапы свисали лианами. Когда Нина предложила вернуть кошку на место, Владик отчаянно заревел: «Я ее люблю-ууу», и это «люблю» еще долго вызывало у взрослых смех. Кошку называли Наткой.

Натка быстро освоилась, ночью жила своей собственной отдельной жизнью, а днем приходила в дом и спала на веранде, сложив голову на длинные лапы. Владик постоянно боялся, что Натка сбежит, но та была не дура и к обеду всегда возвращалась.

Близились вторая летняя суббота, а в этот день Нина всегда устраивала карнавальную вечеринку, приглашала друзей. Ей нравилось, когда все принимают участие в празднике: приходят в костюмах или мастерят их прямо на месте, в процессе извлекая из них какую-то ладную историю, превращая

ее в спектакль тут же, между ужином и десертом.

Нина и Ганя в этот раз соорудили себе одинаковые накидки из тюля, маски райских птиц из цветной бумаги, а на ужин решили приготовить оладьи из кабачков и цицилу с овощами – проще говоря, зажарить целую курицу, начиненную овощами и специями.

Приехал с работы Генрих, а с ним друг семьи доктор Шапиро и коллега Генриха, замначальника дирекции спальных вагонов прямого сообщения Арсентьев с маленькой дочкой Асей. Арсентьев не так давно овдовел – жена его умерла от туберкулеза, – но за год оправился, и его доброе круглое лицо уже не было таким печальным, как прежде. По поводу дирекции спальных вагонов Нина всегда смеялась: «Вот это должность!» – и в шутку называла его «директор передвижных кушеток».

Приехала подруга Галка – шумная, громогласная машинистка из соседнего управления, главная сплетница и любительница веселья. Приехал и Андрюша с близким другом Сергеем Будко, невысоким мужчиной с отталкивающе строгим лицом, но Нина решила первому впечатлению не доверять.

В фанты поиграли очень весело: все хохотали, даже Генрих, особенно когда Нине выпало залезть под стол и кукарекать, а она в своем одеянии и так была как сумасшедший петух.

Генрих умело развел огонь на кострище, взметнулись

вверх красные звезды. Нина испугалась, что загорятся листья на нижних ветках стоящего поодаль клена, но они свернулись в трубочку и не занялись. Нина набросила платок: лето еще не вошло в свою полную силу, вечера стылые – и в обретенном тепле поймала знакомое ощущение, когда все свои рядом и так уютен этот ближайший круг.

Шапиро, главный шутник и задира, знакомый Генриха с юности, сейчас по-настоящему хороший врач-хирург, рассказывал смешной случай: захотел выпить пива в «американке»¹ у Покровских Ворот и стал свидетелем скандала – продавец разливал в грязные кружки, а когда один товарищ попросил посуду вымыть, накричал на него и отказался обслуживать. Дескать, если каждую кружку мыть, работать (то есть наливать) некогда будет.

– Возмутительно, – сказала Галка. – Но есть же выход: можно не пить!

– Не пить! Да что вы понимаете в жизни, – сказал Шапиро, и они рассмеялись и чокнулись.

– Жизнь несправедлива, – парировала Галка, отпивая из бокала.

– Это я в курсе, – отвечал ей Шапиро. – Знаете ли вы, что

¹ В середине 1930-х гг. существовало несколько типов заведений, в которых можно было приобрести алкоголь: пивные-американки с высокими стойками, без стульев, пивные-закусочные с высокими стойками и незначительным количеством посадочных мест (в них обязательно должны были быть патефон, радио или баян), бары-пивные с художественной отделкой помещений и мебели (с обязательным оркестром и возможностью для посетителей потанцевать).

побреют вас в парикмахерской за сорок пять копеек, а одколоном после бритья намажут за пятьдесят? Где ж тут справедливости искать? Или снова скажете: можете не бриться?

– Бриться, пожалуй, стоит, – согласилась Галка. – Но вы могли бы как-то и сами. Без парикмахерской.

– Вы, Галина, предлагаете мне скучную, унылую и постную жизнь.

– Между прочим, Галина права, – неожиданно вступил в разговор до сих пор молчавший Будко. – Гедонизм только портит человека.

– Что вы говорите? – Шапиро изумленно взглянул на него. – А что же тогда человека, так сказать, улучшает?

– Труд, – ответил Будко бескомпромиссным тоном. – Только труд.

– Тогда извольте, – произнес Шапиро вставая. – Потрудитесь налить мне еще портвейна. Вас это улучшит, а меня, так и быть, испортит.

– Хам, – сказал Будко и воинственно подался вперед.

Андрей схватил приятеля за рукав, а Шапиро захохотал:

– Друг мой, вы все принимаете слишком близко. Остыньте, у нас впереди чудесный вечер, не стоит его портить.

Сергей сплюнул на землю и повернулся к Андрею:

– Это, стало быть, твой новый круг?

– Тихо, – попросил Андрей. – Ты несправедлив.

– И правда, Сережа, – сказала Ганя тоном, каким она обычно успокаивала разбушевавшегося Владика, – осадил.

Человек же просто шутит.

– За такие шутки в зубах бывают промежутки, – буркнул Сережа, и Гане вдруг стало за него нестерпимо стыдно, как будто она привела в высшее общество дворового хулигана.

Впрочем, Сережа был и хулиганом, и дворовым, они с Андреем дружили, скорее, по инерции: общее барачное арбатское детство, первые драки – в одной компании гуляли дети разных сословий, и не худшие тянулись к лучшим, а, как правило, наоборот. Андрей довольно быстро стал лидером благодаря своему уму, смекалке и быстрой реакции, это же помогло ему в выпускном классе вытянуть себя за волосы из болота в институт. У Сережи таких талантов не было, но как друг он себя проявил хорошо: стоял горой, дрался за Андрея, не обманывал. Андрей ему доверял, поэтому, когда Ганя спросила мужа, хочет ли он взять кого-то с собой в гости, тот сразу сказал: «Сережу», думая, что поездка будет тому наградой. «Давно не общались как-то, все занят я, давай позову его, заодно повидаемся, а то неловко». Теперь, получается, за Сережу было немного стыдно, никто не ожидал от него такой внезапной классовой нетерпимости, но что уж теперь.

Пока куриное мясо доходило в печи, а картошка в костре, Нина предложила сыграть в петанк – игру, которой их с Генрихом обучили в Париже, и они так приурастили, что даже привезли с собой тяжелые шары. Правила игры оказались простыми: выбрать площадку поровнее, желательно песча-

ную, с одной стороны вбить деревянный колышек, а с другой метать металлические шары, чтобы те оказались как можно ближе к нему.

Лучше всего бросать получалось у Андрея, хуже всего – у Галки, ее шары то не долетали, то перелетали за колышек, а Сергей вообще не играл, но его решили не трогать.

Потом ели курицу. Тут же прибежала Натка и первой взгромоздилась на стол. Генрих скинул ее, и она обиженно поплелась под стол ждать подачек. За столом Шапиро снова травил неосторожные анекдоты, а Галка заливисто хохотала.

– Председатель колхоза говорит: «У нас сегодня большая радость. Районное начальство выделило нам фанеру. Что будем делать: латать дыры в свинарнике или чинить крышу в коровнике?» Собрание долго думает, потом неожиданно встает один дед: «Давайте из этой фанеры построим аэроплан и улетим из колхоза к ядерной матери!»

Нина вышла покурить за ворота, спряталась за вишней. Присела на синий столбик колонки, холодный и влажный под ладонью. Вдруг листва зашуршала, Нина от неожиданности вздрогнула и обернулась.

– Кто здесь?

– Это я, я, Ниночка, простите, что напугал. – Из-за вишни показался Арсентьев. Его светлая рубаша светилась в темноте, а лицо было темным, виднелись одни только добрые глаза.

– А-а, это вы. Подкрадываетесь, как вор.

– Да, похоже... – Арсентьев засмеялся, будто заухала сова. – Я, собственно, проститься, Асеньке пора спать. Сейчас поедем.

– Что вы! Так рано? Положите ее на втором этаже! Можете и сами остаться, дом большой.

– Да по правде, Ниночка, дело не только в этом, лучше мне уехать.

– Что вы, Алеша, что произошло? – Нина обеспокоено взглянула в его лицо, но он отводил глаза. – Кто-то обидел вас?

– Да что вы, кто меня обидит? – снова заухал Алеша. – Вы посмотрите на меня.

И он раскинул руки – большой, как медведь.

– Разве дело в размере? – удивилась Нина. – Обидеть можно и маленького, и большого – одинаково.

– Вот, Нина, что мне в вас нравится... Я хочу сказать, как в человеке. Вы мудрая.

– Бросьте, Алеша. Я и слышать не хочу о вашем отъезде. У нас еще десерт впереди. Видели бы вы, какие Ганечка напекла булочки с клубникой!

– Спасибо вам, Ниночка, но я не могу остаться. Надо ехать.

– Да что вы заладили, в самом деле? Назовите хоть одну причину, почему вы не можете остаться!

– Да... Понимаете... Я вас люблю, – выпалил Арсентьев, и лицо его запылало. – Такая причина.

Нина посмотрела на него внимательно и с интересом.

– Как друга? – осторожно уточнила она.

– Как женщину, – ответил Алеша, окончательно сдавшись. – И я не хочу, чтобы это вам как-то мешало.

– Но я ведь жена вашего товарища, – сказала Нина.

– Да, разумеется, и я очень уважаю Генриха и высоко ценю нашу дружбу и ваше доверие, поэтому я ни на что не претендую и даже не могу себе вообразить...

– Ну, воображать вам никто не запрещает, – сказала Нина с улыбкой. – Но ответить я вам не могу.

Арсентьев покорно кивнул.

– Я и не ждал.

– Не переживайте, Алексей. Оставим это между нами, – ободряюще сказала Нина и похлопала его по плечу. – Вы хороший человек, и я искренне желаю вам встретить женщину, достойную вас.

– Да, да, спасибо, Ниночка. Простите.

– Ну пойдете к гостям. А то вы словно парализованный.

– Признаюсь, слаб: вы на меня так влияете. Но я обещаю вам, что больше такого не повторится.

– Пойдемте, пойдемте.

И они вышли из-за вишни все еще добрыми друзьями, будто бы совершенно ничего не произошло. Генрих приветственно помахал им рукой.

В саду тем временем назревал конфликт. Сергей, до сих пор мирившийся с окружающей действительностью и изряд-

но надравшийся, пер на Шапиро как тореадор, а тот сидел, беззлобно ухмыляясь, и ждал, чем кончится представление.

– Вы, товарищ, скажите прямо... Стоите ли вы за советскую власть? – требовал Сергей, раскрасневшийся, как бакинский помидор.

– Конечно! Лучше стоять за нее, чем сидеть! – искренне веселился Шапиро и так разошелся, что даже опрокинул на себя стакан с портвейном.

– Вы гад! – наступал на него Будко. – Так вам и надо!

– Послушайте, товарищ, я вспомнил еще один анекдот, – сказал Шапиро, отряхиваясь. – На колхозном собрании вручают подарки за хорошую работу к Седьмому ноября. «За отличную работу в поле товарищ Иванова премируется мешком зерна!» Аплодисменты. «За отличную работу на ферме товарищ Петрова премируется мешком картошки!» Аплодисменты. «За отличную общественную работу товарищ Сидорова премируется собранием сочинений Ленина!» Смех, аплодисменты, возглас: «Так ей, бляди, и надо!»

– Вам, конечно, виднее, но я поражаюсь, как вы не боитесь! – ужаснулась Галка.

Шапиро и правда не боялся. Была у него такая сверхспособность: его всегда стороной обходило любое наказание. «Родился в халате, и, что интересно, – в белом», – говорил он. И в этот раз был уверен, что обойдется. Во всем остальном Шапиро счастливчиком не был: три брака развалились, от первого остался ребенок с каким-то редким психиатриче-

ским диагнозом, жена тоже, правда, была не совсем в порядке, он платил алименты, много оперировал, часто пил, но человеком сохранился веселым и беззлобным, любил подтрунивать над верующими – во что угодно, потому что сам ни во что не верил. Но и не боялся. Знал, что его бережет какая-то сила, имени у этой силы не было, но она позволяла ему чекать языком без ограничений. Генрих все это, конечно, помнил и держал в голове, что шутки Шапиро могут стоить жизни кому-то другому, но по-человечески жалел его, потому что вообще-то умный он был мужик, талантливый диагност с легкой рукой, и этого не отнять.

– Вы оба пьяные и ведете себя некрасиво, – вмешался Генрих. – Перестань, Шапиро.

– Что у трезвого на уме, у пьяного на языке! – злобно проговорил Будко.

– Перестань, Сережа, выпил человек, сказано тебе, – довольно жестко оборвал его Андрей.

– Что? – Сергей сжал кулаки. – Ты-то куда лезешь? Ты... Мы же выросли с тобой... Вместе... Вот уж от тебя не ожидал...

– Да брось, Сережа, ну перебрал лишнего.

– А ты согласен с ним?

– Что?

– Согласен? Ты тоже смеялся над его похабными анекдотами. Я видел!

Будко начал толкать Андрея в плечо, и тот, оступившись,

упал на Арсентьева, который легко поймал его и, обогнув, так же легко оттолкнул Сергея. Но тот не отступал.

– Что ж, Сергей, – спокойно сказал Генрих, – раз так – на правах хозяина я прошу вас уйти.

Генрих был по-своему справедлив: он всегда предпочитал доброго злому.

– А я на правах честного советского гражданина обещаю, что вам это с рук не сойдет! – кричал Сергей из-за кустов гортензии, стоявших между ними. – Тебе, Андрей, особенно.

– Не переживайте, – успокоил Арсентьев Андрея. – Агрессивные обычно отходчивые. Давайте, Сергей, ступайте в машину, я вас отвезу.

И с улыбкой увлек его за плечо, напоследок сказав:

– Ну, мне тоже пора, господа. Надеюсь, дальше вечер пройдет без происшествий.

Они с Генрихом обнялись.

После этого инцидента гостей они больше не звали. Нина и Ганя остались на даче втроем с Владиком, впрочем, кажется, это не волновало Нину: дни и без того были полными, как будто всего хватало.

По вечерам, уложив Владика, они обычно забирались на крышу и лежа смотрели в небо. Иногда на нем собирались в фантастические узоры звезды, чаще мерцали полупрозрачные облака, и Ганя рассказывала Нине, что будет дальше. А дальше будет так: Ганя выучится на актрису, станет служить в театре, непременно во МХАТе, а как иначе? Хотя в кино

тоже очень хочется сняться: они не так давно посмотрели «Космический рейс», и «Новый Гулливер», и даже только что вышедшую в прокат французскую картину «Последний миллиардер», и все это Ганю очень впечатлило. И когда она снимется в кино, ее фото напечатают на открытке – как Любовь Орлову. В наборе будут разные фотографии, конечно, одна из них – с Наткой, а лучше – с тигром из цирка. Владик пойдет в школу, она купит ему ранец – уже присмотрела в Мосторге. Андрея повысят, он чаще будет появляться дома и, может быть, даже сделает открытие. Нина? А Нина откроет салон, как в Париже. Сюда, в Никольско-Архангельское, будут съезжаться лучшие люди Москвы: художники, артисты (это Ганя обеспечит), певцы, архитекторы. Архитектор, конечно, предложит ей перестроить дом, потому что этого для гостей будет недостаточно. А вот кого они точно в салон не пригласят, так это Сергея.

Восемнадцатого июня умер Горький. Нина запомнила эту дату, потому что в этот же день они с Ганей перешли на «ты». Утром Ганя, как водится, попробовала приготовить одно из странных блюд из поваренной книги, а Нина отправилась в огород за зеленью. Вернувшись с пучком укропа и перьями лука, она сказала Гане:

– Пожалуйста, говори мне «ты».

Она и сама не знала, как это вышло: Ганя говорила «вы» всем, кто старше и чего-то в жизни добился, и какой бы близкой ни была их дружба, Ганя благоговела и чувствовала себя

обязанной проявлять уважение.

– Не знаю, Ниночка, вы мой идеал, мне как-то неловко.

– Неловко спать на потолке! – сказала Нина, и смущение ушло, уступив место совместному смеху.

– А давай в Кисловодск поедем? Гена устроит.

– Нина, это было бы отлично. Доктор Владику давно рекомендует санаторий.

– Решено!

Вечером приехал Генрих, и Нина сразу же бросилась к нему обсудить Кисловодск. Но Генрих был мрачнее тучи.

– Что случилось? – спросила она, переживая, что он в чем-то ее винит.

– Алексей Максимович умер, – сказал Гена.

Нина знала, что Генрих Горького очень любил и считал большим писателем, называл его только так: Алексей Максимович. Генрих искренне считал его лучшим пейзажистом в литературе и дорожил их личным знакомством.

Кисловодск пришлось обсуждать несколько дней спустя, но все разрешилось в их пользу.

Июль

На вокзал прибыли загодя; еще два часа до поезда, но так надежнее – Нина спорить не стала: Генрих и так нервничал, что они поедут одни. «Заселитесь в санаторий, зайдите в контору отметить, пусть за вами присмотрят» – так он сказал. Время, как он говорил, тревожное, хотел все предусмотреть.

Нина этой тревожности не чувствовала и страха не разделяла: она ехала на воды с Ганечкой, и радость переполняла ее – вот-вот польется через край.

– Что в чемодане у тебя? – недовольно спросил Генрих, подзывая носильщика. – Кирпичи?

– Разное, – сжимая сигарету в губах, процедила Нина. – Платья, шляпки, туфли. Ты разве не знаешь, как меняется погода в горах?

– Да-да. Повезет ли с погодой, – задумчиво сказал Генрих. – Будет довольно нелепо просидеть две недели в комнате.

– Не более нелепо, чем сидеть в Никольско-Архангельском в холодное лето, – ответила Нина, проверяя шнуровку на своих сапожках. – Милый друг, ты слишком придирчив.

Андрей тоже волновался.

– Ты не простудишься? – спрашивал он Ганю, заглядывая ей в лицо.

– О боже, нет, я же еду на юг, а не на север!

– А Владик? Он не отравится?

– На диетическом столе?

И Ганя смеялась – звенели ее колокольчики.

– Если папирос не хватит, зайди в контору, – отдавал последние наставления Генрих.

– Гена, я поняла! Не буду вылезать из конторы. Правда же, я за этим еду в отпуск?

И Нина тоже рассмеялась – но не колокольчиками, а словно бы рвали картон.

Наконец подали поезд. Генрих помахал начальнику, они тепло поздоровались.

– Проследишь за моими курицами? – спросил он, указывая сразу на Нину и Ганю.

– Неплохой курятник у вас, приятно взглянуть! – улыбнулся начальник, плотный опрятный дядюшка с железной осанкой.

Генрих обнял Нину на станции и отправился по своим делам, Андрей же довел их до самого купе, долго еще стоял в проеме и смотрел на Ганечку.

– Перед смертью не надышишься, – сказала она, шутя. – Иди уже.

Андрей склонился над ней и поцеловал, и Нина почувствовала укол ревности; впрочем, это быстро ушло, ведь дальше – она позволила себе насладиться этой мыслью подольше – у них впереди три недели, двадцать один день,

только для них двоих, а Владик не в счет.

В поезде было душно и пахло хлоркой. Нина и Ганя с Владиком заняли отдельное купе – уютный домик на ближайшие пару дней. Ганя достала яйца и куриные ноги в воощенной бумаге, почти прозрачной от жира, Нина – колбасу и мармелад. Как же складно у них получалось в хозяйстве! Это стало понятно еще на даче – лучше партнера и не придумаешь.

Приятное возбуждение быстро сменилось усталостью от однообразного пути, за окнами мелькали только бледно-желтые пейзажи да зеленые поля. Нина достала карты и шашки, Ганя читала книжку, которую взяла для Владика – «Тараканище», – как проклятая уже по десятому кругу, и выучила бы наизусть, если бы Нина не предложила научить Владика карточным фокусам – тот сразу потерял интерес к книжке.

Нина любила железнодорожные путешествия, большую часть жизни они с Генрихом куда-то ездили – будучи работниками Наркомата путей сообщения, было бы странно не использовать такую возможность. Конечно, в двадцатых они много путешествовали и на кораблях, особенно если в другие страны, но в любом случае она привыкла к долгой жизни в пути, и это дорожное подвешенное состояние совсем ее не выматывало, наоборот – вдохновляло.

Владиком занимались по очереди: то одна его развлекала, то другая. Ночью спали под убаюкивающий перестук колес, и только резкие остановки на станциях по пути следования будили Нину. Она старалась выходить на каждой станции:

курила, покупала что-то вроде кукурузы или пряников, рассматривала стеклянные фигурки на столе перронного старьевщика, на одной остановке купила ленту – Ганя по утру красиво вплела ее в свои пшеничные волосы.

Нина использовала время как могла умело: ей было жаль каждой минуты, потерянной или прожитой зря, она была уверена, что нужно уметь находить себе место в любом пространстве, потому что иначе потом будешь жалеть о потерянном, о пробелах, о неисполненном. Она не знала, как рассказать об этом Гане, как объяснить ей, что это путешествие – счастье. И хотя та и сама радовалась выпавшей возможности, Нине казалось, что она не понимает этого со всей полнотой.

Утром Нина проснулась от толчка в спину. Это поезд встал на какой-то станции. «Стоянка десять минут», – услышала она дребезжащий голос динамика.

– Где это мы? – спросила она пассажира, кутившего в проходе.

– Минводы, – бросил он, и слова повисли в дыму.

Из форточки пахло влажной землей, кипарисами и скошенной травой. Нина недавно прочла, что травы издают такой запах, потому что это запах страха. Накрапывал легкий дождь.

На станции их взял в оборот болтливый и скользкий носильщик, который, легко подхватив багаж, привел новоиспеченных курортниц к повозке, запряженной тощей клячей, а потом, по меткому замечанию Нины, нагрел на лишние два-

дцать копеек. Но это казалось неважным: дни, похожие друг на друга и в то же время такие по-разному счастливые, один за другим стали исчезать из календаря.

Воздух, кристально чистый, влажный, туманный, спускался с гор и падал в долину известью, холодными брызгами, солоноватым привкусом. Нина каждое утро выходила на балкон своей комнаты, вытягивала руки, чтобы потом растереть между пальцами прохладные капли.

Деревья вокруг были крупными, листья – жирными, влекли за собой запахи – цветов и трав, нежных и грубых, всех расцветок и видов. Нина дышала здесь глубоко и свободно, даже как-то неловко стало курить: некрасиво дымить в этот чистый, наполненный воздух.

Умывшись, она брала полотенце, купальный костюм и, зажав портсигар в руке скорее по привычке, чем из потребности, шла к соседней двери. Скреблась, как мышь, отворяла Ганечка – заспанная, теплая, в ночной рубашке, застигнутая в центре сна.

– Опять ты меня разбудила, как птица певчая, не дала мне досмотреть сон, где я, между прочим, пела на эстраде! В крмовом таком платье, с воланами в рукавах...

– Что ты говоришь? Мечтательница ты, Ганечка. А знаешь ли ты, что рано вставать полезно? Пойдем плавать, вода по утру бодрящая, воздух – мед.

– Вставать рано полезно жаворонкам, а совам полезно спать, – парировала Ганя, но все равно заходила за ширму и

одевалась: купальный костюм в горошек, панама, босоножки.

Владик все еще спал: был, как и мать, любителем подниматься к завтраку; так что они уходили тихо, стараясь не разбудить и выиграть «взрослое» время. Шли по скрипящему гравию к бассейну с минеральной водой. Нина дымила сигаретой, Ганя картинно отмахивалась от дыма. Скинув обувь и полотенца, шли по бортику мимо огромных – в потолок – монстер, и Ганя, смеясь, показывалась то в одной прорези большого листа, то в другой.

Потом спускались по лестнице в воду. Нина ныряла первой, за ней – проторенной дорожкой – Ганя: сначала одну белую ногу, потом другую. Нина всем телом чувствовала холод, когда Ганиной щиколотки касалась утренняя вода – такие гримасы та строила лицом, ну чисто актриса драмтеатра.

После бассейна, пахнувшие водой, с заспанным и оттого капризным Владиком, отправлялись завтракать в огромную парадную залу с шестью мраморными колоннами посередине. Их стол был в центре, так что удобно было рассматривать всех: медлительную старую деву справа, и нервную семейную пару слева, и высоченного, словно гора, полковника у входа.

Еду давали разнообразную – после двух суток в поезде и скудной конторской столовки Нину распирало от желания попробовать все: рыбу и мясо, замысловатые сочетания соленого со сладким, например, свеклу с инжиром или сыр с

медом или вообще очень странное – топинамбур с грушей. Владик каждый день ел только картошку, играл с ребятами и обдирал коленки, спрашивал: а долго мы еще тут будем? Можно ли навсегда? И Нина с удовольствием думала, что еще долго, и Владика этим «долго» утешала, тут же выдумывая какую-нибудь игру, и Ганя однажды спросила ее, почему у нее нет детей, мол, у нее бы так хорошо получилось. Нина ответила, что у нее и сейчас хорошо получается, между прочим, а от прямого ответа ушла: уже справившись с мыслью, что Генрих однажды сочтет ее неполноценной, она не готова была проверять и Ганину реакцию на откровение – пусть лучше все это будет тайной, запертой в ее теле.

Процедуры и ей казались скучными: нарзанные ванны, нарзанные орошения, нарзанные души. Через несколько дней Нина чувствовала, что она не человек, а какое-то земноводное, постоянно пребывающее в воде. Кроме водных развлечений были лечебные – массаж, парафин, токи. Если бы ее спросили, Нина не смогла бы ответить конкретно, от чего ее лечат – может, от города. Никаких специфических заболеваний ни у Нины, ни у Гани не было, но им нравилась забота, с которой здесь все относились к ним. Владик пил воду, ел мороженое и дышал воздухом – это было особенно важно: доктор сказал, что у Владика может быть астма и нужно дышать. Так что после своих процедур Нина и Ганя покорно шли с Владиком «на воздух» – до самого вечера.

В один из вечеров, оставив Владика на местную тетюшку

(рупь в час, сказала та, и Нина, закрыв глаза на дороговизну, быстро согласилась), Нина и Ганя – одна в брючном костюме, другая в новеньком крепдешиновом платье – вышли на главную улицу Кисловодска, зашли в нарзанную галерею и долго плутали там между бюветами. Вода искрилась в свете закатного солнца и щекотала рот пузырьками, и с каждым новым глотком Нина пьянела от счастья. Как будто газ, поселившийся в воде, надувал ее, как воздушный шар, – все шире и шире становились ее легкие. Из галереи прошли в глубь парка. Возле колоннады топтался бородатый фотограф в чем-то полосатом, похожем на пижамный костюм.

– Девушки, хотите карточку? – предложил он, скучая и ни на что не надеясь.

– Хотим! – весело согласилась Нина.

И он, внезапно оживший, снял их возле цветочного календаря.

– Зайдите потом в ателье, – сказал он, махнув рукой куда-то в сторону почтамта. – Заодно сниму вас в интерьерах.

Темнело, зажглись фонари; Нина с Ганей отправились в глубь парка, хотели взглянуть на Долину роз. По влажному воздуху откуда-то неслась музыка. Нина прислушалась: танго, – и они отправились на звук.

На эстраде народу полно: пары танцевали, и так прекрасно и заразительно, что у Гани заныло сердце. Она не сводила глаз с эстрады, жадно всматриваясь в водоворот, где кружились под звуки «Моего последнего танго» юноши и девушки.

– Я не умею танцевать, – призналась Ганя с сожалением.

– Если хочешь, я научу тебя, – живо предложила Нина. –

Идем?

– Так сразу? – засомневалась Ганя.

– Нет, подождем еще два года! – со смехом ответила Нина

и потащила Ганю за руку в центр площадки.

В это время музыка кончилась, на эстраде расступилась живая человеческая волна: народ спустился подышать, а оркестр заиграл следующую композицию – «Дождь идет».

Нина начала наступать на Ганю, а та отступала. Все вокруг них пришло в движение и закружилось, вызывая эйфорию и тошноту. Нина танцевала легко и свободно, словно всю жизнь только этим и занималась, и Ганя могла бы поклясться, что впервые заметила Нинин красивый профиль и сильные руки. Впервые заметила – и удивилась. Она почувствовала невесомость вопреки всем законам физики и хотела спросить: неужели танец – это все, что требуется для полета? Так мало, оказалось, нужно. У Гани закружилась голова. Впервые не от вина – от музыки. Музыка! Как она любила музыку! Ходить в концерты – слушать симфонии, фортепианные дивертисменты, романсы. Она любила песни, которые пела мама, которые пел папа, те, что пели они всей семьей под патефон или без всего – а капелла. Папа, мама, брат... Она забыла. Все забыла. Как они жили. Как весело было в доме ее детства, как все закончилось: отец тяжело заболел, брат погиб на войне, и сейчас Нина вдруг подарила ей это

забытое ощущение – невесомую радость жизни.

Ганя хотела остановиться, рассказать ей об этом, поблагодарить за все: за чувство защищенности, юг, полет. Ганя не знала, за что еще, но чувствовала: этого недостаточно. За все то, чем Нина ее наградила со дня их встречи в гастрономе, требуется какая-то намного большая награда, и Ганя пока имени ей не нашла.

Нина вдруг легко подняла Ганю, прервав поток ее мыслей, высоко над землей и закружила. Никакого ощущения тяжести, как будто они в воде.

– Что ты делаешь? – засмеялась Ганя. – Опусти меня, мы упадем!

Музыка кончилась, и пришлось возвращаться на землю.

– Зайдем в ателье? – спросила Нина, дыша рывками, как после быстрого бега.

– Конечно. Ты изумительно танцуешь! Почему раньше не говорила?

– Да как-то к слову не пришлось.

– Зато теперь я знаю это, и ты не отвертишься, мы обязательно сходим на танцы в Москве!

– Куда это?

– В ЦПКиО, в сад «Эрмитаж», да что там! У нас в Бауманском каждую субботу.

– Ну хорошо, хорошо, дай отдышаться только, а то бок закололо. – И Нина пробовала отдышаться, уронив голову в Ганино плечо. Пахло вереском, оттого и влекло.

Подошли к фотоателье. Нина постучала, и на пороге появился тот же высокий бородатый мужчина в полосатой пижаме. Он молча смотрел на них, будто не узнавал. Нина улыбнулась ему:

– Снимете нас?

Он кивнул и повел их по лестнице на второй этаж. В темном пространстве ателье фотограф, назвавшийся Владимиром, зажигал одну за другой лампы, и из небытия проступали кресла, цветы и гипсовые статуи древнегреческих богинь, весла, ружья, фонарные столбы и другие декорации, и когда он спросил, какой бы они хотели сюжет, Ганя ответила быстро: только мы, без лишнего фона.

Владимир посадил ее на кушетку в огурцах, Нину попросил сесть сбоку на подлокотник – так обычно снимают семейные пары, подумалось ей, или партнеров по танцам – почему бы и нет. Ослепительная вспышка, еще одна, еще – и в глазах у Нины заплескали желтые всполохи.

В санаторий добрались совершенно обессиленные, но счастливые – сначала в комнату Гани, проверить Владика. Тот спал, раскинувшись поперек кровати. Уставшие, они упали туда же, с трудом уместившись на свободном крае. Ганя повернулась к Нине и попросила:

– Расскажи, что будет дальше?

Нина поцеловала ее в лоб и сказала:

– И жили они долго и счастливо!

Ганя кивнула, закрыла глаза и тут же заснула.

Нина лежала тихо, сердце бешено колотилось в горле от неожиданной близости и аромата вереска – всему виной этот аромат. Сердце ее переполнилось нежностью, но все, что она могла, – долго и без стеснения любоваться Ганечкой, спящим ангелом. Нина всматривалась, насколько позволял свет уличного фонаря, в ее лицо, незащитное горло, волосы и в каждом выдохе искала ответ: как поступить – уйти или остаться? И если остаться – то для чего?

Совсем уставшая от внутренней борьбы, Нина накрыла Ганю пледом, все же покинула комнату и через несколько шагов по коридору вошла в свою. Все еще во внутреннем раздразе вышла на балкон – перед ней расстилалась огромным полотном южная ночь. Она закурила – картина наполнилась дымом. «Это самый длинный день в моей жизни, – почему-то подумала она. – И самый счастливый».

В груди зудело острое, царапающее сомнение: может, стоило остаться? Нельзя. Потому что Ганя слишком хороша для нее? Слишком красива? Слишком несвободна? И как бы Нина сказала ей, как бы призналась, что больше не может без нее жить? Это стыдно, ужасно стыдно. И стыд этот даже не перед Ганей – перед самой собой.

За два дня до отъезда они снова зашли к Владимиру забрать карточки. На фотографиях из ателье их лица были чудовищно серьезными, настолько, что Нина рассмеялась.

– Мы будто проглотили гвоздь! – сказала она.

– Или на нем сидим, – согласилась Ганя.

Торжественную картонку с золотыми буквами решено было разместить по приезду на стене в квартире Беккеров, несмотря на уныние, царившее в ней, а вот карточку с Цветочным календарем, доставшуюся Ганечке, хотелось хранить у сердца – слишком много в ней было схваченной нежности.

– Подпиши, – попросила Ганя. – Как это водится. На долгую-долгую память.

– Для чего тебе долгая память? – спросила Нина. – Неужели ты сбежишь от меня?

– Жизнь длинная, – философски сказала Ганя. – Пригодится.

Нина думала, что написать на обороте, весь день, не могла подобрать слова; думала за обедом, во время процедур, и на прогулке оставалась задумчивой и молчаливой.

– Что-то ты сегодня не в духе, – заметила Ганя, когда они делали медленный круг на чертовом колесе (Владик плакал, как в метро: испугался).

– Думаю, – уклончиво ответила Нина и тут же решилась: – Придумала. Давай сюда карточку.

Ганя выудила из сумки фотографию и карандаш, и Нина написала своим идеальным почерком, лучшим из возможных, лучшие из возможных слова.

Август – сентябрь

Август выдался очень приятным. Когда обедали на улице, в тарелки то и дело падали семена с берез, приносило ветром первые сухие листья. Генрих работал на даче, поэтому Ганя приезжала на выходных – они с Ниной собирали и сушили яблоки, варили варенье из красной и черной смородины в огромном эмалированном тазу с черным пятном посередине.

Иногда выбирались в лес, шли долго-долго, в корзину складывали грибы. Ганя радовалась всему: и сыроежке, и подберезовику. Нина с видом бывалой ищейки натывалась все время на благородные, белые или красные, предъявляла Гане, и та восхищалась каждый раз как в первый.

В этом году урожай был невероятный. В газетах писали, что на зиму заготовлено триста тонн белого гриба. Нина верила, что грибы выходят на зов, что нужно с ними договориться, и договариваться, как видно, умела, а Ганя просто бегала по лесу, в суматохе сталкиваясь то с тем, то с другим.

К сентябрю распустились тяжелые георгины, красные, как пожар, астры, вытянулись к уходящему солнцу длинные гладиолусы. Андрей привез из города фотокамеру и снимал цветы и Владика, который все время ходил мокрый и грязный: то в канаву упадет, то нырнет под лейку. Потом Ганю и Нину – сидящих в кресле, стоящих возле дерева, смотря-

щих друг на друга.

На этих фото – Нина часто потом их пересматривала – есть остановленное время, счастливые минуты, и Нина впервые поняла ценность фотографии в целом – задержать мгновение, как воздух, при этом продолжая дышать.

До середины сентября они еще ездили на дачу. Заканчивали заниматься заготовками, вытряхивали подушки и одеяла, катались на велосипедах. Когда пошли первые длинные дожди – нескончаемые, хмурые, без просвета, – они в последний раз переночевали там. Утром с огромными кутулями сели в машину.

– Чудесное было лето, – сказала Ганя, как будто подвела итоговую черту, глядя в окно на хмурый пейзаж приближающейся Москвы. – Вот бы оно не заканчивалось!

– Лето прекрасное, – согласилась Нина и взяла Ганю за руку. – Но не жалею. Будет и следующее лето!

– Обещаешь?

– Зуб даю!

И они засмеялись случайно найденной цели, обрадовались будущему, которое так четко и ясно себе представляли.

Натку решено было перевезти в город и поселить у Беккеров: у Андрея была аллергия, и Нина, махнув рукой, согласилась держать кошку у себя, чтобы Владик мог приходить и гладить ее. Генрих был не в восторге.

– Будет гадить мимо или драть мебель – отвезешь ее обратно на дачу, – коротко сказал он, и Нина легко согласилась:

в том, что у Натки есть дар приспосабливаться и адаптироваться не меньший, чем у самой Нины, она была абсолютно уверена.

Погоды все еще стояли сносные, в Москву грузовиками завезли деревья: липы, ясени, акации, клены, — и люди высыпали смотреть, как их сажают на бульварах. Нина с Ганей и Владиком тоже пошли и вместе со всеми, совсем как Первого мая, следили за тем, как большие живые стволы селят в длинные земляные траншеи вдоль широких проспектов. Ганю всегда восхищали деревья — их сила, грациозность и рост, и она живо представила, как мощные корни переселенцев вгрызаются в земные глубины под асфальтом и там цепляются — чтобы не унесло. Она думала порой, что сама похожа на дерево и вцепляется все время в сильных — то в Андриюшу, то в Нину, и спрашивала себя: а не слишком ли она уже оплела их обоих, и кто, интересно, окажется крепче?

В одну из суббот Нина, Ганя и Владик отправились в Парк культуры и отдыха. Народу в парке оказалась тьма-тьмушая, и Ганя не успевала ничего рассмотреть, потому что все время держала в фокусе спину Владика в матроске: здесь легко можно было потерять что угодно. Они шли по аккуратным аллеям мимо Зеленого театра, мимо статуи лучницы, мальчика с винтовкой и девочки с самолетиком, смелого летчика и метательницы диска, мимо детской площадки — Владик отчаянно потянул за руку, но ему обещали: на обратном пути; засмотрелись на шадровскую девушку с веслом — мощ-

ная, как культурист, она почему-то стояла голой, и этот факт Нина с Ганей обсудили: допустимо ли? Почему не в купальнике?

Пришли к парашютной вышке. Опоясанная огнями, вышка казалась волшебной: захватывало дух уже от одного вида ее, не говоря о том, чтобы наверх забраться. Но все-таки забрались.

– Прыгнем? – спросила Нина.

Ганя уверенно кивнула, даже не колебалась. И Нина подумала, что Ганя, помимо всех своих достоинств, еще и смелая, хотя этого от изящной барышни ожидаешь меньше всего.

Первой прыгнула Нина – шагнула в пропасть, ветер завыл в ушах, она от страха сначала зажмурилась, а потом, наоборот, открыла глаза, и осеннее небо резануло своей неожиданной синевой. Нина летела мимо закрученной в спираль лестницы, над головами других посетителей парка, над Владиком, который стоял, задрал голову, и с восторгом смотрел на нее. Наконец веревка размоталась на полную и, пружинисто остановившись над самой землей, осторожно спустила ее вниз – Нина почувствовала ногами землю и не сразу смогла распрямить колени: ноги дрожали. Тут же к ней подбежал наблюдающий за аттракционом парнишка и снял ремни, а Владик бросился и схватил за руку, будто проверяя, жива ли.

Следующей прыгнула Ганя – с птичьим выкриком. Нина засмеялась, посадила на плечи Владика:

– Смотри, твоя мама летчица!

– Налетчица! – отозвалась с высоты Ганя, преодолевшая уже половину спуска. – Это какой-то кошмар! Зачем я только согласилась!

– Поздно! – смеялась Нина с земли.

Владик кричал и махал флажком:

– Мама-летчица! Мама-летчица!

– Чтоб я еще раз это сделала! – проговорила Ганя, нащупав ступнями землю. – Теперь вы должны мне пирожное и холодного кваса!

Все трое, взявшись за руки, с прыгающим посередине Владиком, пошли на поиски бочки. Огромные портреты Сталина и Кагановича из цветов напомнили Нине их фото у Цветочного календаря, и она снова покраснела, вспоминая, что фотография – с ее памятной надписью – теперь у Гани. Ганя так и не сказала ей ничего об этой надписи, лишь посмотрела на нее с благодарностью и спрятала фото в сумку.

Вечером Нина и Ганя оставили Владика Евгеше и отправились в «Метрополь» – делать маникюр и стричься. Ганя уже бывала здесь с Ниной раньше, поэтому в этот раз ее не так, как в первый, ослепили блеск многочисленных люстр и огромные залы, атласные кресла и зеркальные стены. Как и в прошлый раз, к ним сразу же подошли парфюмерные феи и предложили послушать новые ароматы.

От сладкого шипрового запаха закружилась голова. И от названий – «Саида», «Ай-Петри», «Красная Москва»,

«Манон», «Красный мак», «Шуэт», «Орион», «Голубой цветок»... Ганя выбрала «Красный мак», и ей вынесли картонную коробку, оформленную будто бы в японском стиле: все буквы напоминали иероглифы, а на крышке флакончика была кисточка из красно-желтых ниток, перевязанных, как конский хвост.

– Сколько стоит? – спросила она у парфюмерной феи.

– Восемьдесят, – ответила та небрежно. – Упакую?

Ганя не умела отказывать, когда на нее напирали, и в то же время – Нина хорошо это знала – это были большие для нее деньги, половина ее месячного заработка. Купить тот же «Красный мак» можно было и дешевле, если без сюрпризной коробки и кисточки, Нина могла бы это сказать, но не сказала: чувствовала, что именно кисточку и коробку так хотелось Гане, что это были не просто духи, а символ другого, нездешнего, что так Ганю влекло; что-то из тех мест, где она никогда не бывала, в отличие, например, от Нины.

– Мы возьмем, – сказала Нина и приложила палец к губам, чтобы Ганя, тут же намеревавшаяся возразить, не вздумала проронить ни слова.

Довольная продавщица ушла, а Нина крикнула ей вдогонку: «И мне заверните “Саиду”!» – так захотелось оставить что-то на память об этом дне, она решила, что запах сойдет. И хотя Нина немного жалела, что Ганя на какое-то время перестанет пахнуть вереском, желание сделать подругу счастливой – именно сейчас – оказалось сильнее.

Тем временем косметичка, делавшая Нине маникюр, рассказала историю про некую Бету Ганак – австриячку, которая приехала в Советский Союз, устроилась в свежееоткрытый магазин ТЭЖЭ в гостинице «Москва» и там, по слухам, ведет прием женщин, коим рассказывает, какой им пудрой пудриться и каким кремом мазать руки.

– Представляете! – страстно говорила косметичка. – У меня есть знакомые мастерицы, они записались и пошли, хотели узнать про цвета и длину ногтей, а та им заявила, что маникюр – это не про цвет ногтей, а про то, что надо держать их в чистоте, а так-то можно и не красить. Дескать, *там* – ну вы понимаете – наносят лак к платью для вечера, а поутру снимают. Вам, кстати, каким лаком сегодня?

– А может, ваша австриячка и права, – задумчиво сказала Нина, глядя на свои огрубевшие в последнее время руки – они как будто старели быстрее или, возможно, чаще попадались на глаза. – Давайте сегодня красить не будем.

И, поймав удивленный взгляд косметички, добавила:

– Планирую быть без платья.

Нина и правда часто носила брюки – у нее было два брючных серых костюма, клетчатые шерстяные брюки, брюки клеш, как у матроса, чудесные широкие льняные брюки с пуговицами – по три в ряд с двух сторон, – совсем недавно пошила в ателье. Конечно, юбок и платьев у Нины водилось на порядок больше, но именно брюки казались Гане символом свободы и смелости, она завидовала Нине и не решалась

пока выйти вот так же на улицу, хотя и примеряла однажды в ателье чудесные брючки – они ей чрезвычайно шли.

После «Метрополя» зашли к Гане занести покупки и с удивлением застали дома Сергея Будко. Нежданный гость быстро ретировался, но перед этим сообщил Андрею, что на предприятии прямо сейчас готовят списки «антисоветски настроенных лиц и оппозиционеров», и он пришел убедиться, что Андрей исправился. «Исправился в каком смысле?» – спросил Андрей, который никогда и не был никаким оппозиционером. Все, что его волновало, – точные измерения и хрупкие материалы, он и сам был как будто из таких. Разъяснить свой вопрос Сергею не удалось – на пороге появилась Нина. И Сергей, хмыкнув: «Понятно» – ушел.

– Что он хотел? – спросила Ганя.

– Да, – Андрюша махнул рукой. – Все никак не помиримся.

– Не расстраивайся, – сказала Ганя и поцеловала Андрюшу в висок. – Он не прав.

Андрей кивнул и, шутя, поднял жену, совсем как Нина, когда они танцевали, отчего та изрядно смутилась и не знала, куда ей себя девать. Воспоминания нахлынули на Нину дождем и зазвенели внутри.

– Отпусти, отпусти, дурак! – Ганя смеялась и вырывалась. – Мы с Ниной в театр опаздываем, поставь меня.

Идея пойти в оперу принадлежала, конечно, Нине: ей ужасно хотелось, чтобы Ганя услышала то же, что и она, уви-

дела то же – она не могла описать словами, если бы ее спросили, чем же конкретно хочется поделиться. *Нечто* вместе с музыкой и голосом забиралось под кожу Нины и оживляло там все: пейзажи, которые она никогда не видала, ощущение жизни в городах и странах, в которых она никогда не жила, преломляло время – и это путешествие на сто или двести лет назад невозможно было описать, как она ни старалась. «Ты должна это услышать. Не ушами – нутром, – сказала она Гане. – Когда ты услышишь, сразу поймешь, что я имею в виду».

– О чем эта опера? – спросила Ганя, когда они – надушенные, напудренные и в новых платьях – подъезжали к Большому театру.

– «Травиата» – история о любви, – ответила Нина. – Виолетта на балу встречает Альфреда, и он пытается уговорить ее уехать с ним... Но послушай, Ганечка, я хочу, чтобы ты меньше всего думала о либретто.

– Но как: я же не понимаю итальянский – без краткого содержания я ничего не пойму...

– Поймешь. Музыка расскажет обо всем лучше любой программки.

Торжественность театра оглушила Ганю – она прижалась к Нине плечом, ища защиты. Люди, молодые и старые – Ганя практически не могла от волнения различить их лиц, – подходили и здоровались с Ниной, жали ей руку, и Ганя каждый раз боялась, что кто-то из них завладеет вниманием Нины

надолго, а она останется тут, брошенная, совсем одна. Но страх ее был напрасным: Нина мягко взяла ее за локоть и повела в ложу.

Ложа напоминала купе в поезде до Кисловодска; Ганя обрадовалась, что они наконец-то «в домике», что можно спрятаться от посторонних глаз и остаться с Ниной вдвоем – припрятать ее и ни о чем больше не волноваться.

И вот тяжелый занавес распахнулся, заиграл оркестр, и Ганя полностью сосредоточилась на своих ощущениях, как велела ей Нина, и чем больше она думала об этом, тем меньше чувствовала, потому что слишком старалась оправдать ожидания.

– Перестань, – шепнула ей Нина в самое ухо, и Ганя вздрогнула. – О чем ты думаешь?

Нина всматривалась в темноте в Ганино напряженное лицо, пыталась понять: правильную ли она дала инструкцию?

– Кажется, я что-то делаю не так, – сокрушенно призналась Ганя. Показать Нине невежественной, глупой, мало чувствующей было каким-то особым Ганиным страхом, от которого сводило живот.

– Да что ты, милая, – тихо засмеялась Нина. – Здесь невозможно что-то сделать не так. Прости меня, если я напрасно убедила тебя, будто есть какие-то правила, я всего лишь хотела сказать, что содержание оперы не так важно, как то, что ты чувствуешь, когда слушаешь ее.

Ганя благодарно сжала Нинину руку и, закрыв глаза, под-

чинилась музыке. Та несла ее куда-то прочь – из этой осени, все равно обреченной превратиться в зиму, из этого тесного платья, сжимающего грудь, из этого города, запруженного трамваями и людьми, этого медленно тающего года и неотвратно наступающего будущего.

Конец октября

Дни потащились сырые и темные, ближе к середине месяца неожиданно лег снег. Ганя таскала до гастронома Владика на саночках, кое-где еще попадались ржавые проплешины травы да грубые прорехи асфальта, но в целом путь стал терпимее. В субботу поехали на лыжах в окрестности Коломенского – снег лег чудесный, ровный и белый, совсем не липкий. Владик весь извалялся в снегу: лыжи ему не давались, да и попросту были великоваты, поэтому в конце концов взрослые оставили его кувыркаться с другими ребятами возле базы, а сами пробежались по парку. День выдался солнечным, холодные лучи слепили глаза, Нина даже надела темные очки, отчего вид приобрела совершенно нездешний. По веткам сновали ярко-рыжие белки; Ганя протягивала руку, и они нехотя спускались сверху, чтобы схватить угощение и снова исчезнуть, скидывая на бегу слабые пожелтевшие листья.

Когда стемнело, жарили хлеб на костре, нанизав на прутики. Осенний костер согревал и пел, сосновые дрова трещали, хлеб обугливался и становился невероятно вкусным, особенно если с солью.

А когда приехали домой, у Владика поднялась температура. Ганя обтирала его холодной водой, клала на лоб мокрое полотенце и растирала водкой. Владик стонал и ворочался,

и перед глазами его расходились огромные красные круги. Потом из красных они становились желтыми, вихрились под потолком, то увеличиваясь и заслоняя собой все, то уменьшаясь. Ганя не спала всю ночь, под утро ее сменил Андрей, и когда круги перед глазами мальчика наконец исчезли, он стал мокрым, какмышь, и заснул блаженным спокойным сном быстро выздоравливающего ребенка.

Нина зашла после работы и принесла яблок с дачи – последний привет урожая. Твердые и глянцевые, они казались настоящим чудом в этот сумрачный день в конце октября.

– Ты прямо как падчерица, которая нашла подснежники, – сказала Ганя, по-особенному наклонив голову, как она делала, когда чем-то бывала довольна.

Тонкая прядь, выбившись из-под косынки, упала на правый глаз. Ганя выдула ее наверх, и та смешно подлетела и рассыпалась.

Нина залюбовалась этим обыденным движением: в нем была вся суть Гани – легкая, непринужденная красота, простая до невозможности. Сама Нина на контрасте чувствовала себя тяжелой, громоздкой и вычурной, и дело было даже не в фигуре (фигура у Нины вполне стандартная), а в отсутствии таких вот привычек, ловких движений, воздушной мимики, как будто ее лепили из гипса, а это, увы, не мрамор, не костяной фарфор и не слоновая кость.

– Где Андрей? – почему-то спросила Нина и поймала себя на том, что услышать она хотела только одно: что он ку-

да-то уехал и остался там, и никто не помешает их короткому, долгожданному свиданию.

– На работе, – сказала Ганя. – Все утро с Владиком сидел, потом пошел – у них там сегодня какое-то совещание.

Тут на кухню выполз заспанный Владик, и Нина подсунула ему яблоко, а он, совсем уже отвыкший от лета, спросил:

– А что это, Нинака?

И она поняла, какое для него это расстояние – с августа по ноябрь – почти бесконечное, как будто десятилетие.

– Это волшебное яблоко, – сказала она ему. – Съешь его и сразу поправишься!

Владик с хрустом впился в яблочный бок, а Ганя смеялась этим своим смехом, который в очередной раз подтверждал, что она сделана из другого какого-то материала.

Вечером играли в бридж. Владик сопел за ширмой, а взрослые сидели за круглым столом под круглым же абажуром, тем самым, который Ганя вышила летом, изобразив на нем сцены из разных книг – тут и старик закидывает свой невод и тащит в нем золотую рыбку, и хижина дядя Тома, и Робинзон в зарослях таинственного острова Жюль Верна, и даже Маугли Кипплинга, а рядом Багира и удав. Вышивки были примитивными, совсем ученическими, в них только отдаленно угадывался замысел, но Нина абажур любила и часто с нежностью проводила пальцами по гладкому рисунку вышивки и мягкой ткани – приятное ощущение. Почему-то запомнилось надолго.

Нина тогда проиграла, и они с Генрихом, вдоволь насмеявшись и выпив по рюмочке коньяка, вышли на улицу, чтобы перейти в свой подъезд; на улице было мокро, по-октябрьски влажно, на днях резко потеплело и снег сошел, снова стояла осень, как будто все времена года перепутались вдруг. Пахло прелой листвой и мокрым асфальтом. Нина предложила прогуляться. Они свернули в Бауманский сад, но тот оказался закрыт, и они сделали круг – нырнули со Старой Басманной в Гороховский переулок. В свете нечастых фонарей проступали сквозь чернеющие листья здания старых усадеб: Демидова, Александрова, купца Палагина, особняк Морозова. Во всех этих торжественных изящных зданиях сейчас располагались коммунальные квартиры, учебные аудитории или административные учреждения, и Нина часто думала, глядя на них, как должно быть обидно построить для себя красивый дом и не успеть в нем пожить, как невозможно жаль этих колонн, балюстрад, мезонинов и эркеров – всех этих изысков архитектурной мысли. Ни одной администрации завода и фабрики (а их в районе Курского вокзала немало: и Винзавод, и газовый завод, и ткацкая фабрика, и «Точизмеритель», в конце концов) не нужны такие красивые фасады и не нужна душа, вложенная в каждое из этих любовно возведенных зданий.

Дошли до храма Вознесения Господня на Гороховом поле, где вот уже три года был клуб Аэродинамического института, слесарная мастерская и типография. Желтые стены быв-

шего храма светились в вечернем сумраке, а синий шпиль прятался в небе, распоров его острым краем. Нина любила храмы зимой, перед Рождеством, или в марте, на Пасху, когда можно отдаться празднику, разомлеть после улицы в теплом сухом воздухе с запахом ладана, просто подумать. Мало теперь где можно было найти действующий храм, Нина сожалела, что сюда теперь не зайти. С другой стороны, она и молиться не умела, не знала, как это делается, но все равно верила, что есть какая-то сила, должна быть – чтобы и защитить, и помочь, и простить, если нужно.

Дошли до вокзала посмотреть на уходящие ночные поезда. Уже на обратном пути, поравнявшись с аркой дома на Земляном Валу, Генрих потянул Нину за рукав к небольшой усадьбе статского советника Василия Толстого, где росла мать поэта Тютчева, а затем больше ста лет жили известные сахарозаводчики Борисовские – до революции. Теперь усадьбу разделили на квартиры и передали работникам железной дороги. В особняке, в частности, жил Арсентьев, и Генрих вдруг решительно зашагал к парадному: «Хочу зайти поздороваться». К радости Нины, Арсентьева дома не оказалось; открыла его домработница Клава, а в ногах у нее путалась рыжая такса: Арсентьев любил окружать себя странными бесполезными существами, украшающими мир. Нина вспомнила, как они однажды выпивали на балконе у Арсентьева, оттуда открывался широкий вид на Язуз, и он сказал им между делом, что существует байка, дескать,

именно с этого балкона смотрел Наполеон на полыхающую Москву.

На Садовом еще звенели последние вечерние трамваи, гудели троллейбусы, гремели по брусчатке гужевые. Начал накрапывать дождь, и Нина поежилась, пряча голову поглубже в воротник пальто. Под конец свернули на Гороховскую улицу, где стоял их первый общий дом – стык в стык с Московским театром транспорта. В то время они часто ходили сюда на спектакли, хотя Нина больше любила Большой и МХАТ. Она вдруг вспомнила их поход с Ганечкой в оперу, и тепло разлилось под горлом, стало даже чуть менее мерзло. В их бывших окнах горел свет. Теплый и мягкий, он манил, и Нина даже с каким-то сожалением подумала, что скучает по этим стенам. И хотя их нынешний дом, Обрабстрой, со всеми его достижениями архитектурной мысли, буфетом в подвале и детским садом на крыше, был удобным, красивым и современным, это сюда она пришла девчонкой, здесь она выросла, стала женщиной, впервые оказалась пьяной и, может быть, даже счастливой. Совсем стемнело. Вокруг то и дело шлепались об асфальт последние каштаны – их было не видно, но слышно. Мимо Института физической культуры прошли, уже практически не оглядываясь: хотелось домой, да и на что там смотреть – в темноте. Раньше Нина частенько гуляла здесь, наблюдала красивых атлетов и бегунов, выполняющих упражнения на стадионах и площадках, что не так давно возвели на засыпанных прудах. Она представляла себе

лебедей, которые когда-то здесь плавали, и любовалась лебедями нового времени — длинные и тонкие, в паутине вздыбленных вен, они строились в ряд сияющих белых маек и черных шорт. Эта идеальность и одинаковость пугала: спортсменов будто печатали в типографии, но вместе с тем Нина радовалась тому, как красиво и геометрически четко может быть скроен человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.